

История

Миссия Такэноути в Санкт-Петербурге в 1862 г.

© 2017

М.К. Ковальчук

В 1862 г. Россия впервые принимала у себя официальных представителей японского государства. Миссия Такэноути, именуемая так по имени ее главы Такэноути Ясунори, посетила Санкт-Петербург в рамках европейского визита с целью личного знакомства с Российской империей и особенностями ее политического и экономического устройства, а также для проведения переговоров по проблемам, касающимся дальнейшего развития торговых и дипломатических отношений между Японией и западными державами.

Статья знакомит читателей с впечатлениями японских посланников в ходе визита в Санкт-Петербург, зафиксированными в их дневниках и дорожных записях.

Ключевые слова: Япония, история русско-японских отношений, миссия Такэноути, первое японское посольство в Европе, Фукудзава Юкити.

Летом 1862 г. российская столица принимала у себя первое официальное посольство Японии. В том году миссия Такэноути, как ее принято называть в отечественной историографии по имени главы — Такэноути Ясунори¹ (1807–1867), организованная правительством сёгуната, посетила ряд европейских стран, в том числе и Российскую империю.

Пребывание японской делегации в Петербурге с августа по сентябрь 1862 г. не становилось предметом специального изучения ни в отечественной, ни в западной историографии. В фундаментальных работах британских и американских ученых, посвященных истории контактов японцев с европейской цивилизацией в эпоху бакумацу, основное внимание уделяется визитам японских делегаций в страны западной Европы и США². Что касается пребывания миссии Такэноути в Петербурге, то рассказ о нем, часто сводится к краткому перечислению дат и событий. Не многим подробнее визит миссии рассматривался и в исследованиях отечественных японоведов, посвященных истории русско-японских отношений. Исключение составляют статьи В.Ю. Климова, который осветил отдельные вопросы, касающиеся церемониального аспекта приема миссии³.

Японские ученые⁴ уделили гораздо больше внимания изучению этого исторического события. В их работах можно найти немало информации не только о программе визита, но и о впечатлениях его участников. Однако в них далеко не всегда присутствует анализ, сопоставляющий впечатления японских посланников с реалиями российской

Ковальчук Марина Константиновна, кандидат исторических наук, доцент кафедры японоведения Восточного института Школы международных и региональных исследований Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: marinkoval@hotmail.com.

действительности того времени. В представленной статье мы постараемся восполнить этот историографический пробел, учитывая значимость данного события и его влияние на процесс формирования образа Российской империи в японском общественном мнении как в эпоху бакумацу, так и в последующие периоды японской истории.

В 1862 г. наиболее активное участие в организации дипломатического посольства Японии в Европу приняли Великобритания и Франция. Можно сказать, что официальные представители этих стран фактически инициировали его отправку⁵. Они взяли на себя расходы по доставке достаточно многочисленной миссии (в ее состав вошли почти сорок человек) в Европу и возвращению ее на родину. Планировалось, что помимо Лондона и Парижа японцы посетят столицы Голландии, Пруссии, России и Португалии⁶ — тех стран, с которыми Япония в период 1854–1861 гг. подписала дипломатические и торговые соглашения.

Российская империя внесла не слишком большой вклад в организацию этого визита⁷. Дело в том, что переговоры об отправке посольства шли в сложный для русско-японских отношений момент, когда усилия российских дипломатов в Японии во главе с консулом И.А. Гошкевичем⁸ были направлены на урегулирование негативных последствий так называемого Цусимского инцидента (1861).

15 марта 1861 г. Гошкевич уведомил петербургские власти о намерении полномочной делегации правительства сёгуната посетить Российскую империю в рамках европейского дипломатического турне. В депеше сообщалось, что одной из основных целей визита является обсуждение вопроса о возможности предоставления японской стороне отсрочки в открытии для международной торговли двух дополнительных портов Хёго (Кобэ) и Ниигата, а также двух городов — Эдо и Осака для посещения и проживания в них иностранцев⁹. Что касается визита в Санкт-Петербург, то во время пребывания в российской столице японская делегация намеревалась также провести переговоры по проблеме государственной принадлежности о. Сахалин¹⁰.

Петербург очень тщательно готовился к приему японских гостей. Российские власти понимали значимость добрососедских отношений со своим восточным соседом, чья территория обладала важным с геополитической точки зрения расположением на перекрестке тихоокеанских морских путей.

В 1861 г. это понимание подтолкнуло командование военно-морской эскадры на Тихом океане к действиям, которые в отечественной историографии именуются Цусимским инцидентом, а в японской — «захватом о. Цусима российскими военными кораблями» («*Росиа сэнкан Цусима сэнрё дзикэн*»). В действительности события 1861 г. представляли собой неудачную попытку военно-морских сил Российской империи организовать стоянку для своих судов на побережье острова Цусима, предпринятую без получения соответствующего разрешения японских властей.

Один из инициаторов российского «вторжения» на Цусиму, командующий дальневосточной эскадрой контр-адмирал И.Ф. Лихачев писал в докладной записке великому князю Константину Николаевичу: «Япония призвана в будущем играть первостепенную роль в политике окружающих ее стран. Необыкновенная выгодность географического положения, богатство страны, счастливые наклонности и способности многочисленного народа — во всем этом представляются прочные залогов блестящего будущего. Мы поставлены в непосредственное соседство с этим государством, и вследствие этого должны принять деятельное участие в его судьбе. К этому побуждает нас даже инстинкт самосохранения»¹¹. Говоря об инстинкте самосохранения, российский контр-адмирал имел в виду, что в случае бездействия со стороны России, островом может заинтересоваться одна из западных стран. Наибольшие опасения вызывала растущая активность Великобритании в этой части Тихого океана. Захват о. Цусима последней, по мнению Лихачева, мог поставить под угрозу безопасность удаленных от европейского центра дальневосточных территорий Российской империи.

Понимая стратегическое значение о. Цусима, Лихачев, похоже, не достаточно хорошо разбирался в вопросах международного права, что не позволило ему предусмотреть негативные последствия действий русских моряков на закрытом для иностранцев японском острове.

Не сумев собственными силами выдворить российские корабли, зашедшие в марте 1861 г. в одну из бухт о. Цусима, японское правительство обратилось за помощью к Великобритании. Немедленное вмешательство последней, осуществленное в рамках международного законодательства, свело на нет все усилия Лихачева. После почти полугодовой стоянки у японских берегов, сопровождавшейся высадкой на берег и началом строительства военно-морской станции, российские суда — корвет «Посадник» и клипер «Опричник» — покинули остров. Официальный Петербург принес японской стороне извинения, подчеркнув, что действия российских военных на Цусиме не были согласованы с центральным правительством. Инцидент был улажен, но он негативно повлиял на представления о России как о миролюбивом государстве, стремящемся сохранить с Японией добрососедские отношения, созданные усилиями миссии Е.В. Путятина в период подписания первых русско-японских договоров¹².

Прием японского посольства в Петербурге летом 1862 г. давал шанс сгладить впечатление от военно-морских маневров на Цусиме. Неудивительно, что к визиту готовились серьезно. Протокол приема делегации переписывался несколько раз. Изначально планировалось, что миссия прибудет по железной дороге¹³, однако в начале июня было решено, что ее члены, будут доставлены из Пруссии в российскую столицу морским путем на борту присланного за ними парохода-фрегата «Смелый». По мнению японского историка Ямагути Кадзуо, торжественное прибытие японской делегации в град Петра на борту российского судна должно было продемонстрировать истинное значение этого города, построенного Петром I, как символа стремления Российской империи обрести статус великой морской державы¹⁴.

Мы не нашли документов подтверждающих, как впрочем, и опровергающих предположение японского ученого, но, скорее всего, российское руководство сделало выбор в пользу доставки миссии морем, руководствуясь иными причинами. Визит миссии Такэноути в Россию пришелся на период правления Александра II. Это было время кардинальных перемен, направленных на модернизацию многих сфер жизнедеятельности государства, главной из которых стала реформа по отмене крепостного права (1861). Царский указ, изменивший существовавшую в течение долгого времени систему землевладения и землепользования, вышел за год до визита японцев. В стране чувствовалось сильное внутрисполитическое напряжение. Это неудивительно, если учесть, что на начало 1860-х годов население России составляло около 70 млн человек, из которых 48 млн занимались сельским хозяйством¹⁵. Далеко не все слои населения были согласны с инициативами центральных властей, что не способствовало сохранению в стране спокойствия и порядка. Получившие личную свободу, но лишившиеся земли крестьяне поднимали бунты и восстания. В год отмены крепостного права крестьянских волнений было больше, чем за все царствование Николая I (1825–1855). В деревнях царили хаос и смятение. Возможно, именно этот фактор, а не желание продемонстрировать статус сильной морской державы, стал решающим при принятии решения о доставке японской делегации в столицу морским, а не железнодорожным путем. В том, что данное решение оказалось верным, можно убедиться, обратившись к воспоминаниям членов миссии Ивакура, японского посольства, отправленного в Европу новым правительством Мэйдзи девять лет спустя, в 1871 г. Это посольство было доставлено от прусской границы в российскую столицу по железной дороге. Главный секретарь миссии Ивакура, Кумэ Кунитакэ, так описывает свои впечатления от увиденного из окна поезда: «Наконец мы забрались в самую глубь европейского континента... Ощущение такое, что мы на краю земли»¹⁶. Еще меньше воодушевления виды российской глубинки вызвали у видного политического

деятеля эпохи реставрации Кидо Такаёси (Коин), также входившего в состав миссии Ивакура. «На протяжении большей части нашего пути, — писал он в своем дорожном дневнике, — мы не видели ничего, кроме безбрежных равнин и лесов. Людские поселения встречались крайне редко. Местные деревеньки выглядели очень маленькими и бедными. Мне никогда не приходилось видеть таких бедных деревень, даже в Японии»¹⁷. По словам Кидо, российский пейзаж напомнил ему Хоккайдо. Если учесть, что в середине XIX в. о. Хоккайдо являлся одним из наименее развитых территорий Японии, сравнение с ним российской глубинки вряд ли говорило о том, что увиденное во время поездки по железной дороге произвело на японцев благоприятное впечатление.

В 1862 г. восприятие России было иным. Итикава Ватару¹⁸, сопровождающий второго посла миссии Мацудайра Ясухидэ, так описал впечатления от первого дня, проведенного на российской земле: «9 августа. Пасмурно. После обеда дождь. Температура 55 градусов»¹⁹. Сегодня сразу после полудня пересели на речной пароходик шириной два с половиной кана²⁰ и длиной всего двадцать четыре кана и направились на юг. Над главной мачтой судна был поднят японский флаг... Вскоре показалась столица. На обоих берегах реки Невы²¹ выстроились в ряд высокие, красивые здания. Среди них то там, то тут выглядывают купола храмов. Это место, поражающее красотой своего пейзажа, было выбрано для столицы огромного государства, территория которого по своим размерам не сопоставима ни с одной страной мира. Престиж этого города зиждется на величине его дворцов, демонстрирующих авторитет власти, а также ее добродетельность»²². Как видно из слов Итикава, доставка делегации морем в восхищающий широтой улиц и красотой архитектуры Петербург, минуя российскую глубинку, при первом знакомстве дала возможность убедить японских гостей в том, что по уровню своего цивилизационного развития Россия не уступает передовым странам Европы, обладая при этом одним очень значительным преимуществом — территорией, размеры которой в середине XIX в. поражали воображение японцев.

Желание соответствовать «европейским стандартам» просматривалось во многих нюансах организации приема японской делегации, в частности, в рассмотрении вопроса о возможности предоставления членам миссии императорской аудиенции. Министерство иностранных дел и входивший в его состав Азиатский департамент стремились, чтобы уровень приема делегации соответствовал тому, что был оказан японцам в других странах. До приезда в Петербург миссия уже побывала в Амстердаме, Берлине, Париже и Лондоне. Последние были выбраны в качестве основных ориентиров для проведения официальных церемоний. Проблема состояла в том, что Великобритания и Франция поразному приняли японское посольство. Наполеон III лично приветствовал делегацию в королевской резиденции, где присутствовал весь цвет французской аристократии. В Лондоне же японские посланники не получили монаршей аудиенции: их приняли на уровне министерства иностранных дел. Японцам объяснили, что королева Виктория не может лично приветствовать миссию, поскольку находится в трауре из-за кончины мужа принца Альберта (1861).

Россия решила последовать примеру французов. Причем в Петербурге императорская аудиенция была предоставлена японским посланникам дважды: приветственная — 14 (2 по ст. ст.) августа в торжественной обстановке Большого тронного зала Зимнего дворца и прощальная — 14 (2 по ст. ст.) сентября 1862 г. в Царском селе перед отъездом миссии из России²³.

Внимание, проявленное российскими властями к японскому посольству, не ограничилось высокими аудиенциями. Проживание делегации в Петербурге было организовано с особой заботой об удобстве ее членов. В распоряжение посольства был предоставлен Запасной дворец, расположенный всего в восьмистах метрах от основной резиденции императора. В его стенах японцев ждал приятный сюрприз.

На момент приезда в Петербург 8 августа (27 июля)²⁴ 1862 г. делегация провела в Европе уже более четырех месяцев. Посланники успели порядком устать от особенностей европейского быта, удивлявшего и восхищавшего их в первые дни поездки. Можно представить себе радость японцев, когда при размещении в выделенных им комнатах они обнаружили в них элементы традиционного японского комфорта. «До нас доходили слухи, что при российском правительстве служит какой-то японец. Его имя звучало как Яматофф», — писал в своих воспоминаниях о поездке в Петербург Фукудзава Юкити — в то время молодой двадцатисемилетний самурай, включенный в состав миссии в качестве переводчика²⁵. «Мне очень хотелось лично встретиться с этим человеком, но так и не довелось. Тем не менее, я уверен, что разговоры (о японце — М.К.) не были просто слухами. Знание японских традиций чувствовалось в каждой детали... В нашей комнате стояли стеллажи для мечей — такие, какими мы привыкли пользоваться у себя на родине. На кроватях лежали японские подушки на деревянной основе, в ванной комнате вместо мыла мы обнаружили мешочки с рисовыми отрубями, даже манера приготовления еды для нас напоминала японскую. Что до пиал для риса и палочек для еды, то они были слишком японские, чтобы предположить, что русские самостоятельно продумали всю обстановку нашего жилища. Присутствие незримого японца было очевидно, однако мы уехали, так и не увидев его»²⁶.

«Незримым японцем» был никто иной, как Татибана Косай (после крещения Владимир Иосифович Яматов), попавший в Россию в 1856 г. при содействии российского дипломата Иосифа Гошкевича, назначенного впоследствии в Японию российским консулом. При принятии православия Татибана взял имя Гошкевича — Иосиф в качестве отчества, выразив тем самым благодарность за помощь и проявленную заботу. В Петербурге Татибана был зачислен в Азиатский департамент Министерства иностранных дел. Его знания японской культуры и быта оказали неоценимую помощь в организации встречи и пребывания японской делегации в российской столице.

«Кусочек Японии», воссозданный заботливыми руками «неизвестного» в далекой северной стране, воодушевил Фукудзава Юкити на написание стихотворения. «Если мне когда-нибудь доведётся встретить человека, о котором я вам рассказывал, — говорилось в нем, — я скажу ему: “Небо над Европой не так уж сильно отличается от неба над Японией”»²⁷.

К сожалению, Татибана Косай не довелось прочесть, посвященные ему строки. Миссия покинула Петербург, так и не познакомившись с «таинственным» соотечественником. Почему Татибана (Яматов) не был представлен японской делегации остается загадкой. Дело в том, что, согласно первоначальному распоряжению российского министерства иностранных дел, губернскому секретарю Яматову было предписано «постоянно состоять при делегации»²⁸. Помимо него в помощь японским посланникам были откомандированы статский советник Татаринов, надворный советник Иессен и титулярный советник Махов²⁹.

Согласно официальному протоколу встречи японской делегации, Татибана вместе с другими российскими чиновниками должен был приветствовать своих соотечественников в день их прибытия на российскую землю³⁰. Однако незадолго до приезда миссии решение было пересмотрено, а имя Владимира Яматова вычеркнуто из состава встречающей делегации. Можно предположить, что новоиспеченный российский подданный японского происхождения сумел донести до своего начальства опасения относительно того, что его участие в работе миссии может вызвать недовольство у официальных представителей сёгунского правительства, предписания которого он нарушил, самовольно покинув страну³¹. Как бы то ни было, в поименном списке официальных лиц торжественной процессии, сопровождавших японскую делегацию от Английской набережной Петербурга до Запасного дворца в день ее прибытия в российскую столицу 9 августа (28 июля) 1862 г., опубликованном на страницах петербургских газет³², имя Владимира Яматова не значилось.

Впрочем, даже не принимая личного участия в церемониях и встречах с японскими посланниками и их помощниками, Татибана Косай, как человек знающий Японию и прекрасно осведомленный о том, как внимательно японцы относятся к деталям, оказал неоценимую помощь при составлении программы пребывания делегации и протоколов официальных приемов. Служебная записка за авторством Татибана, озаглавленная «Прием иностранного посла в Японии», была составлена еще в январе 1862 г. Если учесть, что Татибана покинул родину в 1856 г., в то время, когда правила принятия иностранных делегаций еще только разрабатывались, то уместно предположить, что при составлении вышеназванной служебной записки он взял за основу традиции и практику приема высокопоставленных гостей, характерные для эпохи Эдо. Речь идет о церемонии приветствия князей даймё, которые в соответствии с системой *санкин-котай*, принятой в эпоху правления династии Токугава, были обязаны наносить регулярные визиты в сёгунскую столицу.

В пользу этой версии говорит, например, наличие в тексте данного документа следующего пункта: «Во дворце сопровождает посла почетный конвой, который не позволяет народу переходить дорогу, в противном случае посол может считать себя оскорбленным»³³. Известно, что незнание данного правила в сентябре 1862 г. стоило жизни одному из британских подданных, коммерсанту Ричардсону, который в сопровождении еще троих англичан во время верховой прогулки по дороге Токайдо помешал продвижению процессии князя Сацума — Симадзу Хисамицу, возвращавшейся из Эдо³⁴. Инцидент произошел в то время, когда миссия Такэноути находилась в Европе.

Разработанный Татибана «Прием иностранного посла в Японии» не совсем соответствовал протоколу приветствия иностранных гостей, принятому в период бакумацу, однако этот документ, без сомнения, отражал особенности дипломатического этикета японцев. Его отдельные пункты, такие, например, как угощение послов чаем и конфетами, визит к цесаревичу и осмотр достопримечательностей столицы были использованы чиновниками Министерства иностранных дел. Более того, по сообщению газеты *Journal de St.-Peterbourg*³⁵, царица на приеме в честь японского посольства была в платье, сшитом из отреза японского шелка с узором из цветов мальвы, который был преподнесен императору в качестве дара от сёгуна Токугава³⁶.

Судя по оценке, которой дал приему в Зимнем дворце член японской делегации Итикава Ватару, советы Татибана принесли свои плоды. По словам Итикава, из всех стран, в которых побывала миссия, именно в России официальный прием главы государства «прошел наиболее достойным образом: чинно, без суеты и шума, со знанием правил приличия»³⁷.

Существует ряд исторических документов, позволяющих реконструировать ход европейского турне миссии Такэноути, включая пребывание в России. Это официальный отчет миссии *тансаку*³⁸, а также дорожные дневники и воспоминания отдельных ее членов. Среди последних, прежде всего, хотелось бы отметить две работы. Это записи, которые вели во время поездки два участника делегации — вышеупомнутый Итикава Ватару³⁹ (1824—?) и Фукудзава Юкити (1835–1901)⁴⁰.

Нужно сказать, что впечатления этих двух членов миссии имеют ряд отличительных особенностей, обусловленных разницей в их образовании, интересах, а также в наличии или отсутствии предыдущего опыта общения с представителями западной цивилизации.

«Хроники услышанного и увиденного во время поездки по европейским странам. Записки о путешествии по Европе мухи на хвосте лошади»⁴¹ — такое оригинальное название было дано при публикации путевым заметкам Итикава Ватару. Нужно сказать, что их автор не являлся чиновником высокого ранга, он также не владел ни одним из европейских языков, получив традиционное для самурая эпохи Эдо образование, основанное на знании китайского языка и исторических текстов. В состав миссии он был включен в качестве сопровождающего своего сюзерена, второго посланника миссии Мацудай-

ра Ясухидэ (1830–1904)⁴². Природное любопытство и характерная для японского характера любовь к деталям позволили Итикава создать интересный и подробный рассказ обо всем, что он увидел во время европейского турне⁴³.

Работа Итикава изобилует большим количеством подробных описаний с доскональным перечислением всего того, что привлекло его внимание. Нужно сказать, что далеко не вся представленная им информация соответствовала действительности. Вот, например, как Итикава описывает Зимний дворец: «Мраморный дворец императора расположен на берегу реки Невы. В его постройке использовался мрамор, гранит и железо. Мраморные колонны самых разнообразных оттенков. В трехэтажном здании дворца запахнуто двадцать три окна. Они застеклены светлыми, прозрачными стеклами. Длина «Зимнего дворца» (на каждый сезон здесь имеется свой дворец) составляет 450 сяку⁴⁴, а ширина 350 сяку...»⁴⁵. Как видим, текст Итикава несмотря на свою детализированность грешит неточностями. В отделке дворца действительно использовался цветной мрамор и железные конструкции, но утверждение о том, что в главной резиденции российского императора насчитывалось всего двадцать три окна, вызывает удивление. В том, что окон гораздо больше, можно было убедиться даже при не слишком внимательном взгляде на фасад. Если быть точным, то при указании «оконной статистики» Итикава ошибся почти в сто раз, в действительности в Зимнем дворце было 1945 окон. Можно, конечно, предположить, что Итикава действительно указал число только тех окон, что были открыты в момент его знакомства с императорской резиденцией, однако сложно представить, чтобы кто-нибудь увидел необходимость в подсчете и фиксации столь непостоянной характеристики.

Не соответствовало действительности и предположение, что российский император имел отдельный дворец на каждый сезон. Видимо, Итикава исходил из японских представлений о смене времен года, и наличие в названии дворца слова «зимний», навело его на мысль о существовании также летнего, осеннего и весеннего. Причина подобных ошибок и большого количества несоответствующих действительности предположений, скорее всего, заключалась в так называемой языковой проблеме. Итикава откровенно заявлял, что он «не разбирается ни в птичьем языке европейцев, ни в их похожих на каракули письменах»⁴⁶.

Проблема общения стала одной из основных причин малой эффективности миссии Такэноути в деле сбора информации о тех странах, которые ей удалось посетить. Европейскими языками не владел никто из старших послов и их ближайших помощников. Один из переводчиков миссии Фукути Гэнъитиро (1841–1906) в своих воспоминаниях охарактеризовал их как «слепых и глухих пилигримов». Вторым препятствием стало ограничение на свободу передвижения рядовых членов миссии. Последним было разрешено предпринимать самостоятельные экскурсии и прогулки только по специальному разрешению и под присмотром *омэцукэ* (соглядатаев). Фукудзава Юкити позже писал в своих воспоминаниях, что со стороны «это выглядело так, словно мы везли свою политику изоляции прогуляться по Европе»⁴⁷.

При таком недальновидном подходе собрать достаточно сведений о европейских странах за время поездки участникам миссии было непросто. Пришлось полагаться на информацию, почерпнутую из письменных источников. Известно, что посольство привезло в Японию около 350 томов справочной и энциклопедической литературы на разных языках. Содержащаяся в них информация и легла в основу официального отчета миссии.

Очевидно, что к справочной информации на английском и голландском языках прибегал и Фукудзава Юкити⁴⁸ при заполнении своего дорожного дневника «Хроники поездки на Запад» («Сэйко-ки») ⁴⁹, текст которого позже вошел в полное собрание его сочинений. Доказательством тому может служить использование в дневнике английских единиц исчисления, таких как футы и дюймы⁵⁰, в том числе и в разделе, описывающем его визит в Санкт-Петербург⁵¹. Дополнительные сведения, взятые из литературы на зна-

комых Фукудзава языках, позволили ему избежать многих неточностей. Впрочем, отдельные ошибки в тексте все-таки присутствуют. Наиболее ярким примером тому может служить отнесение событий Отечественной войны 1812 г. к 1815 г.⁵²

Миссия Такэноути пробыла в России сорок дней, с 8 августа (27 июля) по 16 (4 по ст. ст.) сентября 1862 г. Ряд западных историков высказывают предположение, что столь долгий визит в российскую столицу был обусловлен надеждой на проведение успешных переговоров по вопросу принадлежности территорий на о. Сахалин⁵³. Действительно, пребывание японцев в Петербурге стало вторым по продолжительности после Лондона. Несмотря на языковые проблемы и ограниченную свободу передвижения в задачу членов миссии входил сбор информации о технологических, военных и экономических успехах европейских стран, а также о способах их достижения. Этим объясняется тот факт, что главными объектами осмотра во всех европейских странах стали верфи, фабрики, в первую очередь те, что занимались производством вооружения, а также библиотеки, школы и другие образовательные учреждения. Россия не стала исключением. Программа визита была достаточно насыщенной. В «Хрониках поездки на Запад» Фукудзава отвел описанию времени, проведенному в Петербурге, одну шестую часть своего повествования о Европе, Итикава — одну четвертую.

В Петербурге, по просьбе членов миссии, им были организованы экскурсии в военно-морской порт и на судостроительные верфи Кронштадта, а также на оружейный завод, обсерваторию и ряд инженерных школ и горных училищ. Одновременно Фукудзава и другие члены посольства, владеющие европейскими языками, предприняли самостоятельный осмотр больниц, ботанического сада, таможенного управления, монетного двора, телеграфа, технического и коммерческого училищ, а также двух государственных фабрик по производству стекла и фарфора. Фукудзава также посетил императорскую библиотеку, где к своему удивлению обнаружил очень небольшое количество книг на русском языке.

В целом можно сказать, что Петербург произвел на японцев сдержанное впечатление. Судя по дневникам Итикава и Фукудзава, его дворцы и сады, расположенные как в самом городе, так и в предместьях (Петергоф и Царское село) не оставили японцев равнодушными, что же касается государственного устройства и индустриального развития Российской империи, то в дневниковых записях обоих японцев этим сторонам развития российского государства не было дано высоких оценок, как впрочем, и серьезных критических замечаний. Лишь по отдельным высказываниям можно судить, что члены миссии пришли к выводу об определенном отставании России от передовых стран Запада. Например, при описании пути в Красное село, где члены японской миссии присутствовали на войсковом смотре, проведенном самим Александром II, Фукудзава сделал следующую запись: «По дороге... осмотрели окрестности. Много трав и деревьев. Часто встречались деревни, но каменных домов в них мало. Большинство построено из дерева. Из дерева делают и крыши, и стены»⁵⁴. Такие, на первый взгляд, незначительные ремарки, подобные комментарию об отсутствии в русских деревнях добротных каменных строений или о небольшом количестве научных работ на русском языке в российских библиотеках, говорят о том, что уже в 1862 г. Фукудзава относился к России с определенной долей скептицизма.

Помимо дневника сохранился также дорожный блокнот Фукудзава — изящный, в кожаном переплете, он был куплен им во Францию. Судя по характеру записей, большинство из них было сделано в блокноте непосредственно во время бесед с местными жителями или в ходе экскурсий. В основном это были имена, названия и цифры, реже фразы и отдельные предложения. В отличие от «Хроник поездки на Запад», в записях о Российской империи встречаются русские слова, написанные хотя и латинскими буквами, но с сохранением русской фонетики. О том, что эти пометки были сделаны со слов русских сопровождающих, говорит употребление единиц измерений, имевших хождение только в России. Скорее всего, Фукудзава не знал их точного значения и намеревался позже перевести их в более знакомые английские или японские единицы. Например,

в день посещения загородной резиденции российского императора Фукудзава делает следующую запись: «Царское село — двадцать пять верст от столицы Петра»⁵⁵. В названии «Царское» сначала на месте буквы «р» стояла «л», которая затем была исправлена. Видимо, Фукудзава не всегда был уверен в верности написания услышанных названий.

Еще одним источником за авторством Фукудзава, повествующем о визите миссии Такэноути в европейские страны, является одна из глав его «Автобиографии», которая была написана и опубликована в 1897 г. В главе «Я еду в Европу» Фукудзава в ряду прочих стран рассказал и о России. Благодаря тому, что эта работа вышла в свет на английском языке, она известна более широкому кругу читателей. Анализируя этот документ, нужно учитывать, что его текст был написан спустя тридцать пять лет после возвращения посланников сёгуната на родину. Весьма вероятно, что события лета 1862 г. передавались в нем под влиянием тех представлений о России, что были характерны для японского общественного мнения в конце, а не середине XIX в.

Известно, что образ Российской империи, сформировавшийся в период открытия страны под влиянием *тактичной* дипломатии миссии Путятина, претерпел серьезные изменения после японо-китайской войны (1894–1895). Причиной тому стало российское участие в так называемом Тройственном вмешательстве (23 апреля 1895 г.) в условия мирного договора, заключенного между Японией и Китаем 17 апреля 1895 г. в Симоносэки. В результате дипломатического демарша трех европейских стран — Германии, Франции и России — одержавшая победу в этой войне Япония была вынуждена отказаться от требований передачи ей части китайских территорий на Ляодунском полуострове. Это привело к заметному ухудшению русско-японских отношений.

На страницах «Автобиографии», написанной через два года после окончания японо-китайской войны, Фукудзава рассказал о нескольких событиях, произошедших с ним в Петербурге. Помимо слов благодарности «незримому» японцу, привнесшему толику японского комфорта в жизнь делегации в далекой северной стране, он упомянул о странном (с его точки зрения) предложении, которое было сделано ему, в то время рядовому переводчику, в приватной беседе одним из российских чиновников⁵⁶. По словам японского просветителя, его официально пригласили поступить на службу Российской империи, с гарантией высокого жалования и успешной карьеры.

Историки, занимающиеся исследованием жизни и творчества Фукудзава Юкити, отмечают, что ряд событий на страницах его «Автобиографии» переданы не очень точно из-за желания автора представить свои действия и поступки в более выгодном свете⁵⁷. Мы не будем утверждать, что слова Фукудзава о предложении, сделанном ему российскими властями, являются выдумкой. Лишь обратим внимание на тот, факт, что три года спустя, после того как миссия Такэноути покинула Петербург, на учебу в Россию по приказу сёгунского правительства было направлено шесть японских студентов. Пятеро из них прожили в Петербурге около трех лет, и за это время никто и них не получал от местных чиновников таких лестных предложений, как те, о которых пишет Фукудзава, пробывший в российской столице не более сорока дней.

Ситуация с приглашением пополнить ряды российских чиновников интересна не сама по себе, а в свете выводов, сделанных Фукудзава о России. «Данный инцидент произвел на меня очень сильное впечатление, — писал он. — Мне и раньше доводилось слышать о том, что Россия отличается от других европейских стран. Теперь я и сам в этом убедился. Во время визитов в Англию и Францию, и даже годом ранее в США, практически все, с кем я встречался, страстно желали попасть в Японию. Я даже устал отвечать на вопросы о том, как можно найти работу в Японии... Но мне еще никогда не приходилось встречать в этих государствах кого-нибудь, кто посоветовал бы мне остаться в его стране. Насколько я мог судить по той страстности, с которой мне было сделано данное предложение, это была не просто личная инициатива. Возможно, за всем этим скрывалась какая-то политическая или дипломатическая подоплека, а возможно даже коварные замыс-

лы»⁵⁸. Напомним, что вышеприведенные слова были написаны в 1897 г., когда взгляды японцев на Российскую империю и ее политику были далеки от образа *гикоку* («благородного государства»), характерного для восприятия этой страны в период бакумацу.

Примечательно, что после Тройственного вмешательства японская пресса подвергла широкомасштабной критике не только Россию, но и японское правительство, в первую очередь, Министерство иностранных дел, не сумевшее отстоять государственные интересы Японии. Неудивительно, что вопрос о несостоятельности японских дипломатов стал еще одной темой, затронутой Фукудзава в 1897 г. при описании его визита в Санкт-Петербург летом 1862 г.

Как уже говорилось, в задачи миссии Такэноути входило проведение переговоров по вопросу территориальной принадлежности о. Сахалин. По словам Фукудзава, он лично присутствовал на этих переговорах и смог убедиться в их полном провале, вину за который он возложил на представителей Японии. «Наши посланники расстелили привезенную с собой карту, — вспоминал Фукудзава, — и указали на ней месторасположение Японии, территория которой была окрашена в синий цвет, в то время как территория России — в красный. Они сказали, что граница проходит вот тут, мол, и тут и, что они считают естественными требования Японии на всю территорию, лежащую до этой (синей — *М.К.*) линии. В ответ русские возразили, что если бы можно было определить принадлежность территории простым окрашиванием ее на карте в определенный цвет, то они с легкостью могли бы предъявить свои права на весь мир, просто закрасив его на карте красным цветом. «То же самое могла бы сделать и Япония, используя синий», — усмехнулись они. Японские посланники не нашлись, что ответить на эту шутку»⁵⁹. Как видно из приведенной цитаты, Фукудзава не просто подчеркивал отсутствие у японских посланников навыков, необходимых для ведения переговоров с западными странами по такому важному вопросу, как территориальный, он фактически высмеивал их, причем достаточно язвительно. Скорее всего, дипломатическое фиаско Японии было передано им столь эмоционально под влиянием событий 1895 г.

Летом 1862 г. члены миссии Такэноути и российское правительство действительно не смогли прийти к соглашению по сахалинскому вопросу. Переговоры фактически зашли в тупик. Российская сторона обосновала свой отказ разделить территорию острова по 50 градусу северной широты⁶⁰ не только неточностью, представленных японскими посланцами карт, но и несостоятельностью их доказательств того, что Сахалин исторически имеет тесные связи с Японией, а местное население айну родственные корни с жителями Японских островов. На заседании 20 августа прошло обсуждение проекта заключительного протокола, излагавшего итоги переговоров. Уполномоченный представитель российской стороны — директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел России Н.П. Игнатьев заявил, что русское правительство имеет право отказаться от невыгодного для него предложения в отношении Сахалина и этим ограничиться, но, учитывая настойчивую просьбу членов миссии, желающих снять с себя личную ответственность за неудачное проведение переговоров, он вставляет в протокол пункт о возобновлении их с военным губернатором Приморской области для окончательного разрешения сахалинского вопроса. При этом Игнатьев подчеркнул, что разграничение по 50-му градусу не будет принято российской стороной ни в Петербурге, ни в Японии, ни в каком-либо другом месте⁶¹.

Несмотря на неудачу при решении сахалинской проблемы, главная задача миссии была выполнена. Ей удалось убедить правительства европейских стран предоставить Японии пятилетнюю отсрочку в открытии портов Хёго, Ниигата, а также городов Осака и Эдо. В обмен Япония обещала снизить таможенные пошлины на ввозимые в страну европейские товары и устроить склады для военно-морских судов в Нагасаки и Йокогама. Японское правительство также обязывалось не препятствовать развитию торговли с западными странами. Более того, оно вынуждено было пойти еще на одну существенную

уступку, которая, как было сказано в заявлении главы японского посольства в беседе с Игнатевым, была сделана с учетом интересов прежде всего Российской империи. Этой уступкой стало открытие для иностранных судов одного из портов о. Цусима. Слова посла о том, что данное решение было принято в надежде получить расположение в первую очередь российского правительства, принимая во внимание факт того, что в 1861 г. остров стал причиной дипломатического конфликта между двумя странами, не соответствовали действительности. Дело в том, что впервые слова о возможности открытия порта на Цусиме прозвучали в речи японских представителей отнюдь не в Петербурге, а в Лондоне. Возможно, что этот пункт стал одним из основных условий согласия Великобритании отложить на пять лет появление иностранцев в Эдо, Осака, Ниигате и Хёго. Более того, на переговорах в Петербурге вопрос о Цусиме был поднят только после того, как Игнатев, узнавший о результатах японо-британских переговоров от русского посланника в Лондоне Ф. Брунова, потребовал от японской делегации официального подтверждения полученной информации. Так что вопрос о том, расположение какого государства стремилось заполучить Япония, дав согласие на заход иностранных судов в столь геополитически значимую часть Японского архипелага, как Цусима, остается открытым.

Миссия Такэноути посетила Россию в последние годы эпохи бакумацу. Через шесть лет после его возвращения на родину в стране произошла реставрация императорской формы правления, повлекшая за собой смену правящей элиты. Возможно, поэтому его влияние на последующее развитие русско-японских отношений оказалось не столь значимым, как, например, визит миссии Ивакура (1871–1873), представлявшей сменившее бакуфу правительство Мэйдзи. Тем не менее значение посольства Такэноути не стоит недооценивать. Одним из его результатов стало осознание необходимости самостоятельного изучения европейских держав, представления о которых в предшествующую эпоху основывались преимущественно на информации, почерпнутой из зарубежных источников.

По возвращению на родину Фукудзава Юкити приступает к написанию работы, озаглавленной «Положение дел в западных странах» («Сэйё дзидзё»). Ее первая часть вышла уже в 1866 г., а последняя, четвертая — в 1870 г. Книга стала бестселлером и переиздавалась несколько раз. В ней Фукудзава рассказал об истории, географии, а также политическом и военном устройстве ряда западных стран, в числе которых была и Российская империя. Для многих японцев второй половины XIX в., никогда не бывавших за пределами своей страны, знакомство с «Сэйё дзидзё» стало возможностью узнать об окружающем их мире. Образ России, представленный на страницах работы Фукудзава, заложил основы для восприятия ее рядовыми японцами на многие годы вперед.

1. В других источниках он фигурирует как Такэноути Симоцукэ. Это неудивительно, поскольку в Японии существовала практика неоднократной смены имен и фамилий. См.: *Paske-Smith M.* Western Barbarians in Japan and Formosa in Tokugawa days: 1603–1868. Kobe: Paragon Print Corporation, 1930. P. 184.
2. *Beasley William G.* Japan Encounters the Barbarian. Japanese Travelers in America and Europe. New Haven (Conn.): Yale University Press, 1995; *Cobbing Andrew.* The Japanese Discovery of Victorian Britain. Early travel encounters in the Far West. Richmond Surrey: Japan library, 1998.
3. *Климов В.Ю.* Первое японское посольство в России (1862 г.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Петербург, 2010. Сер.13. Вып. 1; *Климов В.Ю.* Церемониалы приема японского посольства 1862 г. и их проекты // Япония. Ежегодник. Москва: АИРО-XXI, 2013.
4. *Судзуки Такэо, Гюнтер Шобер.* Ёроппадзин-но мита Бункю сисэцудан: [Дипломатическая миссия годов Бункю: глазами европейцев]. Токио: Коданся, 2005; *Миянага Такаси.* Бакумацу кэнъю: сисэцудан: [Дипломатическая миссия в Европу в последние годы правления бакуфу]. Токио: Коданся, 2006.

5. Подробнее см.: *Ковальчук М.К.* Знакомство с Европой. Миссия Такэноути в Великобритании // Япония. Ежегодник. Москва: АИРО-XXI, 2010. С. 293–308.
6. Изначально планировалось, что миссия ограничит европейский визит только Францией и Великобританией, однако по совету доктора Филиппа Франца фон Сиболда, который с 1859 г. служил в должности советника японских властей в Иокогаме, число стран для посещения было увеличено. См.: *Beasley*. Op. cit. P. 74.
7. Российский консул предложил японским властям для отправки миссии в Европу воспользоваться российским фрегатом «Светлана», но японская сторона заявила, что заинтересована в покупке судна, а не в аренде. Тогда Гошкевич выступил с идеей отправки посольства в Европу через Сибирь, однако она не получила поддержки у японцев. См.: *Климов В.Ю.* Первое японское посольство... С. 3.
8. В 1861 г. именно консул, а не посол являлся основным представителем и защитником интересов Российской империи в Японии. Единственное российское консульство в то время находилось в Хакодате (Хоккайдо), дипломатическое представительство России посольского уровня было организовано только в 1871 г.
9. Вышеназванные порты и города, по договору 1858 г., должны были быть открыты для иностранных граждан в период с 1 января 1860 г. до 1 января 1863 г. Просьба о предоставлении отсрочки в их открытии, основывалась на опасении, что увеличение притока европейцев усилит волну недовольства со стороны местного населения, справиться с которой центральные власти будут не в силах. Эти опасения основывались на реальных фактах: в марте 1860 г. был убит *тайро* Ии Наосукэ, подписавший от лица Японии первые договоры с западными странами, в феврале 1862 г. члены движения *дзёи* (движение за изгнание иностранцев из Японии) ранили еще одного высокопоставленного чиновника — Андо Нобумаса. Периодически совершались нападения и на иностранных подданных. Секретарь американского консула Таунсенда Харриса — Хэдрик Хеускэн был убит в январе 1861 г. В июле того же года нападению подверглась Британская миссия в Эдо — погибли несколько японских охранников и серьезное ранение получил секретарь миссии Лоуренс Олифант. Двумя годами ранее (1859 г.), во время визита в Японию губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского, были ограблены и убиты двое русских моряков. Это далеко не полный список проявления агрессии по отношению к иностранным подданным на территории Японии в период конца 1850-х — начала 1860-х годов.
10. На тот момент остров, согласно Симодскому трактату (1855) находился в совместном владении двух государств, что вызывало ряд неудобств в сфере освоения и дальнейшего экономического развития его территории.
11. РГА ВМФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 179. Л. 1–1 об.
12. О влиянии Цусимского инцидента на отношение к России и ее политике в середине XIX в. см. *Ковальчук М.К.* Мори Аринори: Размышление о России. Поездка в Петербург летом 1866 г. // Япония. Ежегодник. Москва: АИРО-XXI, 2014. С. 163–164.
13. РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 326. 17об.
14. *Ямагути Кадзую.* Фукудзава Юкити но сэйко дзюнрэки: [История поездки на Запад Фукудзава Юкити]. Токио: Фукудзава Юкити кёкай, 1980. С. 240–241.
15. *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1813–1913). Статистические очерки. Москва: Государственное статистическое издательство, 1956. С. 34–35.
16. *Кумэ Кунитакэ.* Токумэй дзэнкэн тайси бэйо кайран дзикки: [Достоверный отчет о поездке специального посольства в США и Европу]. Токио: Иванами бунко, 1977. Т. 4. С. 53.
17. *The Diary of Kido Takayoshi.* Tokyo: Tokyo University Press, 1985. Vol. 2. P. 305.
18. Дневниковые записи Итикава Ватару были опубликованы вскоре после возвращения миссии Такэноути на родину. *Итикава Ватару.* Бакумацу оосю кэнбунроку — биё: о:ко: манроку: [Хроники увиденного и услышанного в европейских странах — хроники путешествия по Европе мухи на хвосте лошади]. Токио: Синдзимбуцу орайся, 1992.
19. Итикава дает уровень температуры в градусах Фаренгейта, что в переводе в градусы Цельсия означало около 13 градусов тепла.
20. кан — японская мера длины, равная 1,8 м.
21. В тексте название реки передано как Неро.
22. *Итикава Ватару.* Указ. соч. С. 130.
23. Подробно о проектах и деталях организации императорских аудиенций, предоставленных миссии Такэноути см.: *Климов В.Ю.* Церемониалы приема японского посольства... С. 217.

24. АВПРИ, СПб. ГА I-6. Ф. 161, 1861–1862. Оп. 5. Д. 1. Л. 23–28.
25. Будущий просветитель японской нации принял участие в миссии Такэноути в качестве переводчика. Поездка в Петербург летом 1862 г. стал его первым и последним визитом в Россию.
26. The Autobiography of Fukuzawa Yukichi. London: Madison books, 1992. P. 136. Подробное описание японских элементов в убранстве резиденции, предоставленной для проживания японцев в Петербурге встречается и в дневках еще одного члена миссии Итикава Ватару. См.: *Итикава Ватару*. Указ. соч. С. 130.
27. The Autobiography of Fukuzawa Yukichi. P. 137.
28. РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 326. Л. 5.
29. Титулярный советник Иван Васильевич Махов — сын первого настоятеля русской православной церкви при российском консульстве в Хакодате. Будучи чиновником министерства иностранных дел, он служил с 1859 по 1861 г. в Хакодате в должности письмоводителя российско-го консульства. Именно он составил и издал в Японии на собственные средства первую русскую азбуку (1861).
30. *Климов В.Ю.* Церемониалы приема японского посольства... С. 218.
31. Сёгунат пошел на некоторое послабление запрета о выезде японских граждан за границу только в 1866 г. Распространялось оно на тех, кто хотел пройти обучение в западных странах.
32. Санкт-Петербургские Ведомости. № 164. 29 июля 1862 г. В.Ю. Климов также отмечает отсутствие Яматова в числе сопровождающих посольство в Петербург, ссылаясь на церемониал встречи делегации на набережной Невы, данный в газете “Journal de St.-Petersburg” 27 июля 1862 г. См.: *Климов В.Ю.* Церемониалы приема японского посольства... С. 227.
33. АВПРИ, СПб. ГА I-6. Ф. 161. Оп. 5. Д. 1а. Л. 18.
34. Речь идет о так называемом *Намамуги дзикэн*, произошедшем 14 сентября 1862 г.
35. Journal de St.-Peterbourg — российская газета, выпускавшаяся с перерывами в 1825–1917 гг., являлась полуофициальным органом Министерства иностранных дел Российской империи.
36. *Beasley*. Op.cit. P. 86.
37. *Итикава Ватару*. Указ. соч. С. 133.
38. Дайнихон комондзё: [Документы Великой Японии]. Бакумацу гайкоку канкэй мондзё: [Документы по внешним сношениям в последние годы правления бакуфу]. Т. 51. Токио: Изд-во Токийского ун-та, 2007.
39. О жизни и творческом пути Итикава Ватару известно не очень много. Родился он в 1824 г. В период Эдо занимался изучением китайских текстов, позже входил в научное общество Кокугаку (Школа национальной науки). Итикава также известен как один из создателей современной системы японских библиотек.
40. Фукудзава Юкити — просветитель, публицист, журналист и общественный деятель эпохи Мэйдзи. В 1860 г. он в качестве переводчика посетил Америку в составе первой дипломатической миссии Японии, направленной в Соединенные Штаты, а в 1861 г., после многочисленных прошений, его имя было включено в состав делегации сёгуната, отправившейся в Европу.
41. *Итикава Ватару*. Указ.соч. С. 130.
42. В японской историографии также встречается под именем — Мацудайра Ивами-но ками.
43. Первая часть дневников Итикава (до момента отправки миссии из Великобритании в Голландию) была переведена на английский язык и опубликована еще в 1865 г. Однако оставшаяся часть дневников не переводилась ни на английский, ни на другие европейские языки.
44. *Сяку* — японская мера длины, равная примерно 30 см. Соответственно, согласно Итикава, длина дворца составляла 135 м, а ширина 105 м. В действительности длина фасада дворца со стороны Адмиралтейства — 175 м, а со стороны Невы 210 м.
45. *Итикава Ватару*. Указ. соч. С. 131.
46. *Beasley*. Op. cit. P. 88.
47. The Autobiography of Fukuzawa Yukichi. P. 132.
48. Первым европейским языком для Фукудзава стал голландский. Благодаря знанию голландского он был зачислен в состав дипломатической миссии Японии в США (1860) в качестве переводчика. Однако будучи в Соединенных Штатах Фукудзава пришел к заключению, что знание английского языка является необходимой составляющей его будущей успешной карьеры. С этого момента он начинает самостоятельно с помощью учебников и словарей, купленных в США, осваивать английскую речь.

49. Фукудзава Юкити. Сэйко-ки: [Хроники поездки на Запад] // Фукудзава Юкити дзэнсю: [Полное собрание сочинений Фукудзава Юкити]. Токио: Иванами сётэн, 1971. Т. 19. С. 6–64.
50. Интересно, что в отдельных местах текста «Сэйко-ки» Фукудзава пишет футы иероглифом «сяку», обозначающим японскую меру длины, указывая, что данный иероглиф должен читаться как фут. Возможно, что такому смещению двух измерительных систем, японской и европейской, способствовал тот факт, что один фут близок к одному сяку, последний длиннее фута на 3 мм.
51. Из пятидесяти восьми страниц «Сэйко-ки» России было посвящено девять.
52. Фукудзава Юкити. Сэйко-ки. С. 43.
53. Beasley. Op. cit. P. 86.
54. Фукудзава Юкити. Сэйко-ки. С. 44.
55. Фукудзава Юкити. Сэйко тэтё: [Блокнот поездки на Запад] // Фукудзава Юкити дзэнсю: [Полное собрание сочинений Фукудзава Юкити]. Токио: Иванами сётэн, 1971. Т. 19. С. 84.
56. В своей автобиографии Фукудзава не называет имя чиновника, более того признается, что во время поездки по Европе он никому не рассказал о сделанном ему предложении, как он объяснил, из-за страха оказаться под подозрением. В этом утверждении есть доля истины, поскольку в состав миссии входило достаточно большое количество *мицукэ* (соглядатаев). См.: The Autobiography of Fukuzawa Yukichi. P. 147–148.)
57. Мещеряков А.Н. Автобиография Юкити Фукудзавы как репутационный ресурс. URL: <http://magazines.russ.ru/oz/2014/1/22m.html>.
58. The Autobiography of Fukuzawa Yukichi. P. 147–148.
59. Ibid. P. 144.
60. Предложение разделить территорию о. Сахалин по 50 градусу северной широты было сделано японцами. Российская сторона предлагала провести границу по естественному водоразделу — проливу Лаперуза.
61. Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М.: Вост. лит., 1988. С. 154–155.